

Г. Н. Кочешков

Н. А. Рожков о сущности и характере исторических знаний

В статье анализируются взгляды Н. А. Рожкова по проблеме истинности исторического знания. Ученый дает классификацию различных видов знания: житейского (обыденного), религиозного, научного и др. Характеризуя научное знание, Н. А. Рожков отмечает, что конечная цель всякой науки заключается в открытии законов. Анализируя различные научные дисциплины, Н. А. Рожков ставит вопрос: является ли история наукой? Ответ ученого предельно ясен и точен: история – это точное знание. Признавая эффективность исторического знания, Н. А. Рожков пытается показать его закономерности. По мнению ученого, предметом исторической науки является исторический процесс. Ученый сравнивает роль и значение двух общественных наук – истории и социологии. Будучи позитивистом, Рожков тем не менее стремится показать взаимосвязь этих дисциплин. Ученый уделяет особое внимание в развитии исторического процесса экономическому фактору, что послужило, в конечном счете, причислению Н. А. Рожкова к представителям экономического материализма.

Ключевые слова: позитивизм, экономический материализм, история, социология, исторический процесс, закон, наука, историческая закономерность, объективность, факторы, анализ, сравнение.

G. N. Kocheshkov

N. A. Rozhkov on the Problem of Historical Knowledge

The article analyzes N. A. Rozhkov's opinion on the problem of the verification of the historical knowledge. The scientist gives the classification of the different types of the knowledge: worldly (everyday), religions, scientific and others. Characterizing the scientific knowledge N. A. Rozhkov marks that the final aim of any science is the opening of the law. N. A. Rozhkov asks oneself a question: is the history a science? The answer on this problem is quite clear and evidence – the history is the precise knowledge. Recognizing the objectivity of the historical knowledge, N. A. Rozhkov tries to show its patterns. In his opinion the object of the historical science is a historical process. The scientist compares the role and the meaning of the two social sciences – history and sociology. Being a positivist, Rozhkov by the way tries to show the interconnection of these disciplines. The author gives a special attention to the economical factor in the historical process development. The Soviet historiography considers him to be the representative of economical materialism.

Keywords: positivism, economical materialism, history, sociology, historical process, law, science, historical pattern, objectivity, factors, analysis, comparison.

Среди исследователей русской истории видное место принадлежит Николаю Александровичу Рожкову (1868–1927). Он был не только известным историком, но и активным политическим деятелем, социологом, психологом, философом, талантливым педагогом, продолжившим славные традиции московской исторической школы.

Критический анализ научных взглядов Н. А. Рожкова ограничивался по преимуществу оценкой его политических взглядов; установлением связи между ними и его историческими построениями; выявлением несостоятельности его периодизации исторического процесса с точки зрения марксистско-ленинского учения о формациях. Историки-марксисты клеймили Рожкова за то, что он якобы отрицал основной принцип исторического материализма – диалектику развития. Вместо единого процесса развития общественной жизни, обусловливаемого внутренней борьбой противоречий, Рожков, по их словам,

дает последовательную эволюцию одного лишь ряда экономических явлений, взятого в условной классификационной изолированности. Прочие явления рассматриваются историком в виде параллельных рядов, без реальной внутренней связи. Таким образом, движущие силы исторического развития в теоретических построениях Н. Рожкова не ясны, а саму проблему закономерности ученый сводит к простому констатированию повторяемости исторических явлений в «сравнительно-историческом освещении» [7, с. 567–568]. Стремления найти позитивные моменты в его историко-социологической концепции не наблюдалось [1, 9]. Между тем социологический метод исследования истории, предложенный Н. А. Рожковым, достоин тщательного изучения. Необходимо заново и всесторонне оценить теоретико-методологические основы исторической концепции ученого.

Научные взгляды Рожкова складывались в сложное, противоречивое время. Ломалась не

только внешняя сторона жизни – происходила смена коренных философских, мировоззренческих, идеологических основ общественного бытия. В условиях идейного кризиса, поиска выхода из концептуального тупика происходило размежевание исторических сил. Одни переходили к марксизму, к историко-материалистической методологии, другие, в том числе и Н. А. Рожков, пытались реализовать философскую концепцию «критического позитивизма» [8, с. 264]. Но, в отличие от представителей данного философского направления, Рожков признает закономерность исторического процесса. Резко отличает историка от позитивизма и признание необходимости изучения наукой причинной связи явлений. Во взглядах Рожкова отсутствует подчиненность развития общества этапам эволюции науки, свойственная позитивистам.

Каждый народ на заре своего исторического существования, считает Рожков, стремится к знанию, пополняет запас своих знаний. Однако далеко не всякое знание является наукой. «Знания младенца и первобытного народа отличаются двумя отличительными чертами: эти знания, во-первых, бессистемны, случайны, во-вторых, они лишены всякого практического значения, накопление их не имеет целью удовлетворения житейских потребностей, – оно бесцельно и бесполезно. Бессознательное, инстинктивное и праздное любопытство – вот основной психический мотив, руководящий младенцем и дикарем в его стремлении к знанию». Любознательность, присутствующую каждому человеку, Рожков называет житейским знанием. Наука есть «живое стремление к цельному, стройному, систематизированному, связному знанию и притом к знанию жизненному, имеющему тесную связь с общественными и личными потребностями и интересами» [6, с. 1]. Система знаний должна основываться на причинной связи явлений, это очевидно. Причинность, по Рожкову, это «постоянная последовательность явлений» [6, с. 1].

Однако для целей научного исследования недостаточно установить лишь причинную связь между явлениями. Истинная, конечная цель всякой науки заключается в открытии высших обобщений, научных законов. Закон не есть установление «причинной зависимости между целыми рядами или группами явлений» [6, с. 4]. Совершенно очевидно, что каждая наука изучает лишь отдельную сторону одного великого объекта – мироздания, но отсюда не следует, что отдельные науки не имеют права на существование

[5, с. 3]. Полемизируя со Штаммлером, в работе «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории» Рожков утверждал, что общественная жизнь – есть нечто цельное и единое и поэтому всякая попытка ее расчленения на отдельные процессы невозможна. Ученый справедливо замечает, что отказываться от возможности изучения разных сторон жизни общества «значило бы отрицать возможность существования различных наук – механики, химии, физики, биологии, психологии», ибо нет ни одного явления или предмета в действительности, который всецело относился бы к области только одной науки: всякий социальный факт необходимо и неизбежно содержит в себе «элементы, изучаемые другими науками, – психологические, физиологические, физические, химические, механические» [5, с. 3]. Исследование объекта возможно только путем синтеза знаний, полученных разными науками.

Известно, что Конту принадлежит классификация наук, в основу которой положены принципы убывающей общности исследуемых явлений и возрастающей их сложности. Первой в классификации Конта находится астрономия, исследующая самые простые явления, а именно – явления движения. Далее следуют физика, химия, физиология и социология.

Данная классификация наук была дополнена Миллем, который внес одну поправку: между физиологией и социологией он поставил психологию. Изложенная классификация наук занимает центральное место в философии позитивизма, при этом Конт делает из нее следующее обобщение: «Явления, изучаемые каждой наукой, слагаются из совокупного действия явлений, рассматриваемых всеми науками..., причем наибольший материал для разъяснения возникающих вопросов дают выводы ближайшей высшей науки» [2, с. 177]. Следовательно, социология тесно связана с другими науками, но наиболее важное значение для объяснения социологических явлений имеет психология.

Все базовые науки, приведенные в классификации, Рожков делит на науки конкретные и абстрактные. «Конкретные науки занимаются изучением отдельных явлений в определенной, точнее конкретной, среде или обстановке, причем имеют в виду установить причинную связь явлений» [5, с. 1]. Но эта задача важна не сама по себе: она имеет значение в том плане, что позволяет формулировать более общие, абстрактные выводы. Например, психология изучает общие, аб-

страктные законы развития духовной жизни людей вообще, а не только отдельного конкретного человека. Значит, психология – наука абстрактная. В то же время она основана на наблюдениях за духовной жизнью конкретных людей, и эти наблюдения, сведенные в систему, составляют особую, конкретную психологию данного человека или данного типа людей [5, с. 1–2]. «Такая тесная и естественная связь между абстрактными и конкретными науками, – подытоживает Рожков, – предполагает ясно выраженную потребность в изложении каждой конкретной науки в связи с общими законами изучаемых явлений, формулируемыми наукой абстрактной» [5, с. 1–2].

Через взаимосвязь абстрактных и конкретных наук реализуется практическая направленность научного знания. Данному обстоятельству Рожков придавал большое значение, полагая, что наука обязана изучать жизнь, действительность, исследование которой дает человеку материалы и средства для создания практических, прикладных наук [6, с. 1]. Если это знание – не фантазия, а действительность, не плод воображения, а истина, то оно должно привести к «предвидению будущего, хотя бы частичному и мало определенному». Большая или меньшая вероятность предсказаний должна служить средством проверки правильности приемов, методов и теории, «применение которых дало материал для известного понимания прошлого и настоящего и для предвидения будущего» [6, с. 7].

Рожков провозгласил принцип познания – монизм, предполагающий рассмотрение и объяснения всего многообразия явлений в мире из единого элементарного начала. «Монизм, учение, в едином синтезе обнимающее всю теорию и практику, бытие и должествование, чистый и практический разум, слишком привлекателен для человеческого ума, чтобы можно было от него отказаться и примириться и раздвоенностью мирозерцания» [2, с. 22]. Итак, определив, что современную науку отличают два основных признака: стремление к осмысленному, систематическому пониманию действительности и стремление к приложению теоретических выводов на практике, – Рожков пытается определить, является ли история наукой? Для него ответ сугубо положительный: истории присущи те же признаки познания действительности, как для естествоиспытателя важно и интересно проникновение в тайны природы. История – это точное знание. «Никто не может устоять перед соблазнительной

перспективой представить себе в простейшем виде, в стройной системе все многообразие и сложность исторической жизни, объяснить ее из немногих основных начал... Тому, кто занимается теперь научной историей, несомненно, знаком очень хорошо восторг, охватывающий человека, когда из хаоса взаимно перепутывающихся, бесвязных и бессмысленных фактов получается единое связное целое, стройная система, изящное, исполненное глубокого смысла построение» [2, с. 3]. Рожков, однако, вынужден признать, что уровень развития исторической науки далек от идеального: «Для многих, для очень еще многих бесцельное гробокопательство, курьез, скандал и сплетня, касающиеся деятелей прошлого, составляют если не единственный, то главный смысл и основную цель занятий историей» [2, с. 3].

Причина столь поверхностного отношения к истории – давние споры относительно целей исторического знания. В Древнем мире и в Средние века история никогда не рассматривалась как наука, а служила материалом для развлечения или для укрепления существующего строя. Рожков крайне обеспокоен тем, что этот взгляд на историю как служанку господствующего класса может возродиться при определенных обстоятельствах в той или другой измененной форме в Советской России.

На смену моралистическому подходу к истории пришел метафизический, рассматривающий исторический процесс как стремление народов к достижению абсолютного нравственного идеала. При этом ученые акцентируют свое внимание на истории «культурных» обществ, создавших что-либо особенное, оригинальное в нравственной сфере. В истории важны не причинно-следственные связи, а цели, утверждают сторонники данного направления. Нравственная оценка – вот что главное в исторической науке, для историка важно не столько то, что было, сколько то, что «нравственно-обязательно, что должно быть с моральной точки зрения» [2, с. 3].

По мнению Виндельбанда и Риккерта, задача изучения истории совершенно иная, чем задачи естествознания. В истории, в общественной жизни нет того единообразия, которое существует в жизни природы: история не повторяется. Рожков совершенно не согласен с такой позицией. Критикуя представителей философского идеализма, ученый заявляет: «История для того, кто привык ее научно изучать, повторяется чрезвычайно часто, до скуки часто, так, что иногда приходится

признать, что есть страны, изучение истории которых несколько не интересно, потому что там мы находим полное повторение того, что совершалось в развитии других стран... Едва ли кто может отрицать сейчас, что, например, самодержавный абсолютизм, дворянская монархия вовсе не является исключительной, своеобразной, свойственной одной стране» [2, с. 12].

Признавая объективность исторического процесса, Рожков пытался показать его закономерности. Он был близок к пониманию общественной закономерности как объективной, повторяющейся существенной связи явлений или этапов исторического развития в противовес теологическому взгляду на мир. Однако его позиция в данном вопросе не лишена противоречий. В ряде рассуждений у Рожкова встречается тезис о возможности внесения в историческую науку и гипотезирования в ней какого-либо элемента из другой научной сферы в случае невозможности объяснить события социальной жизни исходя из внутренне присущих истории законов. И хотя в собственные социологические построения Рожков не вносит какого-либо чужеродного элемента из других областей знания, он все-таки аксиоматично кладет в их основу один из выделенных им общественных процессов – экономический, доминированием которого историк и объясняет все проходившее в прошлом. Очевидно, что подобный подход соответствует его представлениям о строении мира, классификации наук и провозглашению им принципа монизма в научных исследованиях [8, с. 273].

Двумя изложенными взглядами (Конта и Риккерта. – Г. К.) не ограничивается разноголосица в понимании практического значения истории как науки. Существовал еще третий взгляд, основу которого составляет мнение, что цель изучения истории – «возбуждение патриотических чувств или вообще проведение определенных политических тенденций в том или другом направлении». Критикуя «псевдопатриотический» подход, Рожков отмечает, что истинный патриотизм заключается не в любви к воображаемой, «реально не существующей, идеальной родине, а в любви к родине такой, как она есть, в том, что мы болеем ее горестями, мучимся недостатками и готовы пожертвовать всеми своими силами, чтобы уничтожить все дурное, поднять уровень общественной жизни и осуществить идеал общего блага» [8, с. 273].

Критика различных подходов к изучению происходящего дает возможность понять ретро-

спективное видение Рожковым процесса становления истории как науки и понимание поставленной проблемы им самим. Практическую общественную ценность и применимость научных исторических изысканий и их выводов Рожков видит в том, что они служат опорой для научной политики и прогнозирования пути дальнейшего развития общества.

Предметом исторической науки Рожков называет «исторический процесс, связную цепь фактов». Конкретизируя понятие «факт», он вступает в спор с Н. И. Кареевым, отвергая его деление исторических фактов на культурные и прагматические. Невозможно отделить их друг от друга, считает Рожков. «Историк и социолог не имеют права и теоретически различать прагматические факты от культурных, потому что прагматические факты сами по себе вовсе не являются историческими фактами: их ведают психолог, биограф и т. д., а не историк и социолог» [4, с. 84]. Факты прагматические группируются и выстраиваются в важную для историка последовательность только благодаря фактам культурным и лишь через призму последних могут рассматриваться исследователем. Говоря о культурных фактах, Рожков относит к ним «естественный, экономический, социальный, политический и психологический процессы в истории» [4, с. 84].

В целом, можно сказать, что ученый правильно определил предмет истории, исторический процесс, однако не сумел выработать представление о всемирной истории как едином и закономерном процессе поступательного движения человечества.

Переходя в своих рассуждениях от истории к социологии, Рожков утверждает, что для решения вопроса о современных направлениях в исторической науке важны социологические выводы и социологические принципы, которые применяются в исторических исследованиях.

В определении предмета социологии как науки Рожков допускает нечеткости; он недостаточно дифференцирует предметы истории и социологии, приравняв их к одному объекту – изучению общественных явлений. Пытаясь все же уйти от этой двойственности, нерасчленности предмета изучения двух гуманитарных наук, Рожков предлагает вариант исследования общественных явлений с разных сторон: история изучает конкретные проявления общественной жизни, а социология – общие законы развития общественных явлений [6, с. 5]. Отмечая тесную связь двух наук, Рожков утверждает, что «научная, бо-

гатая плодотворными выводами социология возможна только на исторической основе, на основе тех конкретных наблюдений, какие делают историки, и, с другой стороны, научная политика, как прикладная отрасль обществоведения, немислима без построения социологии» [6, с. 6]. При этом он отмечал, что взаимное сближение этих двух наук является залогом их дальнейшего плодотворного развития.

Рассуждения Рожкова о предмете, содержании, практическом значении исторической науки показывают, что он в значительной степени преодолел позитивистское понимание истории. Когда Рожков писал о конкретных проблемах истории или социологии, то, вопреки собственным утверждениям, воспринимал эти науки нерасчлненно. Можно сказать, что историк сделал значительный шаг вперед от позитивизма в понимании смысла исторической науки. Он раскрыл неразрывную связь конкретики и теории в истории, понимая, что только благодаря их синтезу можно познать закономерности исторического развития, но не сумел до конца выработать стройную систему поступательного движения человечества [8, с. 264–265].

Библиографический список

1. Волобуев, О. В. Вопросы о социальной психологии в трудах Н. А. Рожкова [Текст] / О. В. Волобуев // История и психология. – М., 1971.; Рожков Н. Исторические и социологические очерки : сб. статей. – Ч. 1. – М., 1906.
2. Рожков, Н. Методика преподавания истории и история XIX века [Текст] / Н. Рожков. – Пг., 1918.
3. Рожков, Н. Несколько спорных социологических вопросов (Ответ проф. Карееву) [Текст] / Н. Рожков // Образование. – 1899. – № 3.
4. Рожков, Н. Обзор русской истории с социологической точки зрения [Текст] / Н. Рожков. – Ч. 1. – Вып. 1. – М., 1905.
5. Рожков, Н. Основные законы развития общественных явлений (краткий очерк социологии) [Текст] / Н. Рожков. – М., 1907.
6. Рубинштейн, Н. Л. Русская историография [Текст] / Н. Л. Рубинштейн. – М. : Госполитиздат, 1941. – 660 с.
7. Тарасова, Н. Н. О философских и теоретико-методологических взглядах Н. А. Рожкова (по работам 1893–1907 гг.) [Текст] / Н. Н. Тарасова // История и историки. – М., 1990. – С. 258–283.
8. Черепнин, Л. В. Изучение русской истории [Текст] / Л. В. Черепнин // Очерки истории исторической науки в СССР. – М., 1963. – Т. 3. – С. 279–367.

Bibliografickij spisok

1. Volobuev, O. V. Voprosy o social'noj psihologii v trudah N. A. Rozhkova [Tekst] / O. V. Volobuev // Istorija i psihologija. – M., 1971.; Rozhkov N. Istoricheskie i sociologicheskie ocherki : sb. statej. – Ch. 1. – M., 1906.
2. Rozhkov, N. Metodika prepodavaniya istorii i istorija XIX veka [Tekst] / N. Rozhkov. – Pg., 1918.
3. Rozhkov, N. Neskol'ko spornyh sociologicheskikh voprosov (Otvet prof. Kareevu) [Tekst] / N. Rozhkov // Obrazovanie. – 1899. – № 3.
4. Rozhkov, N. Obzor russkoj istorii s sociologicheskoi tochki zrenija [Tekst] / N. Rozhkov. – Ch. 1. – Vyp. 1. – M., 1905.
5. Rozhkov, N. Osnovnye zakony razvitija obshhestvennyh javlenij (kratkiy ocherk sociologii) [Tekst] / N. Rozhkov. – M., 1907.
6. Rubinshtejn, N. L. Russkaja istoriografija [Tekst] / N. L. Rubinshtejn. – M. : Gospolitizdat, 1941. – 660 s.
7. Tarasova, N. N. O filosofskih i teoretiko-metodologicheskikh vzgljadah N. A. Rozhkova (po rabotam 1893–1907 gg.) [Tekst] / N. N. Tarasova // Istorija i istoriki. – M., 1990. – S. 258–283.
8. Cherepnin, L. V. Izuchenie russkoj istorii [Tekst] / L. V. Cherepnin // Ocherki istorii istoricheskoi nauki v SSSR. – M., 1963. – T. 3. – S. 279–367.